

141387

РЕЛИГІОЗНЫЯ ВѢРОВАНІЯ
БУРЯТЪ ШАМАНИСТОВЪ.

ИРКУТСКЪ.

Типографія А. А. Сизыхъ, Большая улица, домъ Милерскаго.

1899.

14/387

Книжки

1766

1924 г. 49

Берегите книгу

Не перегибайте книгу

во время чтения

Не загибайте углов

Не делайте надписей на книге

Не смачивайте пальцев слюною,

перелистывая книгу

Завертывайте книгу в бумагу.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

2
К 65

Т. 6
7.2.1.47
104

РЕЛИГИОЗНЫЯ ВѢРОВАНІЯ, ОБРЯДЫ И ЖЕРТВОПРИНОШЕНІЯ БУРЯТЪ ШАМАНИСТОВЪ ГРОЗНЫМЪ И ЗЛЫМЪ ДУХАМЪ *).

Религіозныя вѣрованія сибирскихъ инородцевъ монголо-бурятъ составляютъ безспорно одну изъ важнѣйшихъ проблемъ мѣстной этнографіи и сверхъ общенаучнаго интереса имѣютъ для насъ интересъ чисто мѣстнаго характера, ибо кому, какъ не намъ, ближайшимъ сосѣдямъ монголо-бурятъ, быть проводниками культуры среди этихъ многочисленныхъ номадовъ, изучивъ всесторонне бытовыя, религіозныя и соціальныя условія ихъ быта, влить новую жизнь въ ихъ спящее царство. Безъ сомнѣнія чѣмъ дружнее и усерднѣе мы примемся выполнять эту почетную роль, отведенную намъ исторіей, тѣмъ скорѣе проникнетъ лучъ свѣта въ темную массу не культурныхъ номадовъ, тѣмъ скорѣе пробудятся они отъ умственной и нравственной спячки и, стряхнувъ вѣковую плѣсень, съ пробужденнымъ сознаніемъ быстро пойдутъ по пути умственнаго и нравственнаго прогресса. Къ чести ихъ нужно сказать, что эти обездоленные судьбою, трудолюбивые и добровѣтные бѣдняки, чтобы облегчить для насъ средства къ изученію ихъ быта, вѣрованій, нрава и обычаевъ, охотно оставляютъ некоторыя особенности своего первоначальнаго кочеваго быта, мало того даже сами наметались порусски и выставили намъ, въ качествѣ гидовъ, своихъ природныхъ монголо бурятъ, получившихъ среднее, даже высшее европейское образованіе. И что же мы русскіе, неужели еще будемъ ждать, не явится ли какой нибудь хубилганъ (перерожденецъ) Гмелина или Пласа, чтобы свалить на него всю работу по части вѣрованій и этнографіи нашихъ сибирскихъ аборагеновъ монголо-бурятъ. Нѣтъ, начинъ въ этомъ великомъ дѣлѣ уже сдѣланъ просвѣщенными членами Восточно-сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества, а мы въ настоящемъ случаѣ поставляемъ себѣ за честь продолжить свои изслѣ-

*) Изъ 3-й лекціи, прочитанной авторомъ 4 октября 1899 г. въ общемъ собраніи членовъ В. С. Отдѣла Географическаго Общества.

дованія о религіозныхъ вѣрованіяхъ сѣверо байкальскихъ бурятъ шаманистовъ и предложить читателямъ свои наблюденія о вѣрованіяхъ бурятъ шаманистовъ, описать тѣ обряды и жертвоприношенія, которыя совершаются ими въ удовлетвореніе грозныхъ и злыхъ заяновъ *).

Всякое вѣрованіе, по своему происхожденію, есть плодъ соображеній и впечатлѣній о такихъ предметахъ и явленіяхъ, свойство которыхъ наблюдатель вполнѣ не постигаетъ. Вѣрованія, говоритъ Забѣлинъ, есть первичная младенческая ступень познания окружающей природы, оно на половину знаніе и на половину гаданіе, которое руководитъ человѣческимъ умомъ повсюду, гдѣ знаніе недостаточно, не полно, скудно и смутно. Но тѣмъ не менѣе всякое вѣрованіе сознается путемъ опытовъ и наблюденій, стремленіемъ человѣка свести весь этотъ запасъ знанія къ одному концу, найти въ немъ одинъ смыслъ, одинъ законъ. Неопровержимая истина, что какова природа, каковъ человѣкъ, наблюдающій природу, таковы должны быть и его вѣрованія, таковы его мифы и легенды. Поэтому вѣрованіе каждаго народа есть какъ-бы зеркало, отражающее ликъ той страны, той природы, гдѣ живетъ язычникъ, ликъ его быта домашняго, общественнаго и политическаго во всѣхъ мелочахъ и подробностяхъ. Оно есть зеркало языческой души, воздѣланной самою природою той страны, гдѣ эта душа живетъ и дѣйствуетъ. Чего не существуетъ въ странѣ и быту язычника, того не существуетъ и на его олимпѣ, святилищѣ боговъ, и въ кругу его мифологическихъ созерцаній. Его олимпъ вообще бѣденъ или богатъ своимъ поэтическимъ содержаніемъ, смотря по тому, какъ поэтически богата та страна, гдѣ создается такой олимпъ. Его боги благодѣтельны или злы, смотря по тому, какъ благодѣтельна или коварна окружающая его природа. Всѣ благодѣтельныя явленія природы олицетворяются въ добромъ началѣ божества, а грозныя и разрушительныя—въ образѣ злой силы демоновъ. У египтянъ плодотворящій Нилъ превратился въ добраго бога Озириса, а пустыня съ ея губительными песками и сомучами, изсушающими всякую жизнь, превратилась въ злую силу Сета. Слѣдовательно, чѣмъ грознѣе и необъятнѣе природа страны, чѣмъ сильнѣе она подавляетъ человѣка, чѣмъ больше встрѣчается общественныхъ бѣдствій, бѣдности, рабства, деспотизма, тѣмъ больше у народа злыхъ духовъ, тѣмъ ужаснѣе внушаемый ими страхъ, тѣмъ безотраднѣе жизнь человѣческая. Доказательствомъ тому Индія, грозная природа которой породила цѣлые легіоны оборгусовъ (чудовищъ), невообра-

*) Объ обрядахъ и жертвахъ добрымъ духамъ смотр. Ирк. Епарх. Вѣд. 1885 г. № 51, 1886 г. № 12 и 13.

зимо свирѣпыхъ и кровожадныхъ, какихъ только могло создать не обузданное воображеніе азіатца. Напротивъ, въ Греціи, при ея прелестной природѣ, при болѣе благопріятныхъ соціальныхъ и экономическихъ условіяхъ, демоны являются не такъ злыми, а чертовочки даже очаровательными.

Коренные обитатели суровой по климату Сибири, кочуя въ шалашахъ цѣлыя столѣтія, среди дикой и мрачной природы, переноса страшныя бури и невзгоды, теряя свои стада отъ цовальныхъ болѣзней, противъ которыхъ не въ силахъ бороться, находятся въ постоянномъ страхѣ отъ злой силы, которую олицетворяли въ ужасномъ видѣ *Хорхи*. *Хорхи*, по понятію сибирскихъ тунгусовъ, живетъ въ отдаленной и непроходимой тайгѣ. У него большіе огненные на выкатѣ глаза, плоскій носъ, широкія скулы, чудовищная голова. Черные волосы на головѣ, что тайга послѣ бури. Онъ принимаетъ различные виды, на гибель человѣка, — то обернется въ медвѣдя, то въ волка, то въ сохатаго (лося). Напротивъ у американскихъ негровъ сатана вовсе не страшенъ. Онъ имѣетъ бѣлую кожу и правильный европейскій носъ; о наружности его у китайцевъ можно судить потому, что cadaго европейца китайцы ругаютъ не иначе, какъ рыжій дьяволъ.

Дитя природы, сынъ привольной степи монголо-бурятъ, во всемъ носитъ на себѣ печать окружающей его природы, его религіозныя вѣрованія, его мифы и легенды есть ни что иное, какъ только образы первобытнаго познания природы. Обожая видимую природу, бурятъ шаманистъ на каждомъ шагѣ создавалъ себѣ новые кумиры; претворяя свои первыя познанія и созерцанія въ живые образы, онъ въ своей мифологіи въ своихъ вѣрованіяхъ выражалъ только то, что существовало предъ его глазами и что существовало въ немъ самомъ, въ устройствѣ его мысли, чувства, права и всего быта.

Шаманство — это, можно сказать, познание всего существующаго въ живыхъ образахъ поэтическаго творчества, это первобытная поэзія народа, безграничная область всенароднаго поэческаго творчества, гдѣ всѣ боги, вѣрованія, мифы, легенды суть только поэтическія, художественныя олицетворенія тѣхъ понятій и впечатлѣній, какія возникаютъ въ человѣкѣ при созерцаніи природы. Во всѣхъ этихъ мифахъ и легендахъ, въ этихъ призрачныхъ мечтаніяхъ номада, въ этихъ чарахъ и причудливыхъ образахъ фантазіи, въ которыя онъ облекъ свои религіозныя представленія, во всемъ этомъ видѣнъ продуктъ духовно-нравственной жизни, вѣковая работа мысли и чувства, часто полная воодушевленія, энергіи, силы и таланта. Монголо-бурятъ не могъ быть строгимъ и холоднымъ мыслителемъ, для этого у него не

доставало зрѣлаго возраста; онъ, какъ новорожденное дитя, пребывая въ объятіяхъ матери природы, чувствовалъ ея грозу и ласку, чувствовалъ, что эта вѣчная мать наблюдаетъ за нимъ. Безотчетное и безграничное чувство любви и страха—вотъ чѣмъ былъ исполненъ этотъ ребенокъ на рукахъ своей матери природы. Всѣ религіозныя представленія шаманиста первоначально состояли въ непосредственномъ обожаніи силъ и явленій видимой природы, а потомъ уже стремясь къ болѣе отвлеченнымъ представленіямъ жизни природы, перешли въ обожаніе ея таинственныхъ силъ подъ формою духовъ *эжиновъ*. На этой ступени религіознаго міросозерцанія шаманиста все сдѣлалось вмѣстителямъ этихъ духовъ, этихъ могучихъ силъ, то враждебныхъ, то благотѣльных для человѣка. Каждое естественное явленіе, каждая форма мировой жизни вмѣстѣ своего *эжина*. Земля, вода, воздухъ, лѣса, горы, долины и даже самая внутренность земли—все это наполнилось легіонами духовъ. Всѣ выдающіяся явленія природы, особенно разрушительныя и страшныя, буряты приписываютъ дѣйствию злыхъ духовъ и принимаютъ, какъ видимое доказательство ихъ неудовольствія. Въ умѣ неразвитаго номада не тѣ явленія запечатлѣваются сильнѣе, которыя входятъ въ обычный порядокъ законовъ природы и которыя имѣютъ благотѣльное вліяніе, не тѣ, которыя разрушительны и по видимому сверхъестественны. Благодарность не такъ живуча, какъ страхъ, и малѣйшее нарушеніе законовъ природы производитъ болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ самыя чудесныя проявленія ея обыденной дѣйствительности. Поэтому, если природа является въ самомъ ужасающемъ своемъ видѣ, если страшныя болѣзни или естественныя перевороты опустошаютъ страну, когда голодъ и чума похищаютъ тысячи жертвъ, во всякомъ несчастіи, заглушающемъ голосъ разсудка, во всемъ, что есть ужаснаго, зловѣщаго, смертоноснаго, номадъ ощущаетъ присутствіе сверхъестественной силы и преклоняется предъ ней. Вполнѣ предоставленный всѣмъ вліяніямъ природы, не зная той послѣдовательной цѣпи законовъ, которой связаны ея разрушительныя проявленія, онъ живетъ въ постоянномъ страхѣ того, что считаетъ прямымъ и самостоятельнымъ дѣйствіемъ злыхъ духовъ. Вездѣ, куда бы не кинулся шаманистъ, ему представляется опасность отъ шутхуровъ.—Въ темнотѣ ночи, предъ зіяющей бездною, среди дикихъ отголосковъ горнаго ущелья, въ шумѣ вѣтра, въ плескѣ воды, въ сіяніи кометы и въ торжественномъ мракѣ затмѣнія, словомъ вездѣ и во всемъ шаманистъ видитъ козни и продѣлки шутхура: вдыхаетъ ли воздухъ, ему чудится, что въ его внутренность устремляются шутхуры, видитъ ли непріятный сонъ, ему грезится, что это дѣйствіе бохондоа, заблудится ли въ лѣсу, значить водить его *ой-ин-эжинъ* или злобно подшутить

надъ нимъ альбинъ демонъ, заболѣеть ли, сойdetъ ли съ ума, все это происходитъ отъ дѣйствія злыхъ духовъ. — Словомъ — шутхуры это *idée fixe**) шаманиста.

Свѣтлое божество Эсэгэ маланъ тэнгэри (плѣшивый отецъ небожитель) въ понятіи шаманистовъ является менѣе яснымъ, чѣмъ представитель злой силы Эрлингъ. Въ мифахъ и преданіяхъ Эсэгэ *маланъ тэнгэри* мало и почти совсѣмъ не выступаетъ на сцену, его образъ жизни, наклонности, нравъ, внѣшняя обстановка, атрибуты его власти мало извѣстны шаманистамъ.

Совсѣмъ другое дѣло представитель злой силы Эрлингъ; форма его ясно рисуется, какъ въ шаманскихъ мистеріяхъ, такъ и въ многочисленныхъ сказкахъ и легендахъ. Но напрасно, впрочемъ, вы стали бы ожидать, что въ этихъ разсказахъ предъ вами явится образъ съ опредѣленнымъ характеромъ, религіозное творчество монголо-бурята не вышло еще изъ хаотическаго состоянія, раздѣленіе духовъ на два начала доброе и злое не доведено до абсолютнаго дуализма Зентавесты, здѣсь все еще находится въ безпорядочномъ смѣшеніи: иногда шутхуры представляются добрыми, веселыми, простодушными и даже легкомысленными, они не прочь и выпить; на этомъ шаманы ихъ часто и ловятъ. Подпоивши ихъ тарасуномъ или водкой, ловко обдѣлываютъ свои дѣлишки. Сказки представляютъ ихъ иногда въ самомъ жалкомъ и комическомъ положеніи. Шаманы часто ихъ надуваютъ, проводятъ, надсмѣхаются надъ ними, ставятъ въ самое неловкое положеніе, словомъ торжествуютъ надъ ними, какъ въ нашихъ сказкахъ надъ бабой ягой. Да не только шаманы, даже простые бурятки, болтая и шутя со своими подругами въ веселые часы сидѣнія аракы, подшучивая надъ бохолдоями, пацѣваютъ:

Бурьинъ, бурьинъ, ухан-да богдаганъ бохолдой,

Бот ипен-дэ хондолдоган бохолдой,

Харахши ипен-дэ хондолдоган бохолдой....

Т. е. ручья не могъ переѣхать бохолдой, на стельной коровѣ пріѣхалъ бохолдой, на черной коровѣ пріѣхалъ бохолдой...

Въ иныхъ случаяхъ шутхуры рисуются въ воображеніи бурятъ очень коварными и злыми, насылающими разныя болѣзни и бѣдствія, иногда представляются они кровожадными и большими охотниками до жертвоприношеній:

Улан шугун ундан,

Хуни мяха пдэн,

Хара архи хаба,

*) Идея фиксѣ.

Дак хара тогоң,
 Дабирга хара идэн.....

Т. е. красная кровь ихъ питье, человѣческое мясо ихъ пища, черное вино ихъ напитокъ, черная, какъ деготь, ѣда въ задымленномъ котлѣ.

Во главѣ злыхъ духовъ, по шаманскимъ мистеріямъ, стоитъ Эрлингъ. По разсказамъ однихъ, Эрлингъ существовалъ при сотвореніи міра, а другіе говорятъ, что Эрлингъ былъ младшій сынъ Чингисхана, отличавшійся злымъ и упорнымъ характеромъ. Онъ ни съ кѣмъ не говорилъ, отъ всѣхъ удалялся; убьетъ ли какого звѣря, съѣстъ одинъ, захочетъ ли спать, ляжетъ одинъ вдали отъ своихъ братьевъ. Однажды пришелъ къ нему Чингисъ, но Эрлингъ не хотѣлъ съ нимъ говорить и повернулся къ нему спиной. Чингисъ не вынесъ коварства своего сына и поразилъ его стрѣлою. Умирая, Эрлингъ сказалъ своему отцу зловѣщую фразу: «*Ши намай амити алдаги, мини хунехун хэдэхэ шадана угэй*». Хотя ты и лишилъ меня жизни, но душу мою не погубилъ, за все это я буду мстить тебѣ, твоимъ сыновьямъ и твоему потомству. Сказавъ это, Эрлингъ испустилъ духъ и сдѣлался владыкою темнаго царства, находящагося гдѣ то на сѣверѣ, во глубинѣ какой то бездонной пропасти. Это ужасное мѣсто никогда не освѣщается солнцемъ, здѣсь царствуютъ вѣчная зима. Сдѣлавшись владыкою подземнаго царства, Эрлингъ женился на Шанданъ хатунъ, возлюбленной дочкѣ *Буха-ноена* (го сподина порога), которая, не смотря на свой злой и капризный характеръ, была красавица не на шутку: съ черными, какъ смоль, волосами, съ круглымъ и гладкимъ, какъ блинъ, лицомъ. Царствуя въ этой темной области, Эрлингъ имѣетъ подъ своею властію множество шутхуровъ въ качествѣ писарей и чиновниковъ особыхъ порученій. Всѣ эти чиновники и писаря служатъ въ его присутственныхъ мѣстахъ, которыя буряты называютъ *Эрлингъ хани сугланъ*. Замѣчательные изъ нихъ: 1) *Эрге хара ноенъ*. Это большой и очень сильный и свирѣпый заяцъ, заведующій *Ноин найма таму*, т. е. 88 темницами Эрлинга. Если злые духи изловятъ душу человѣка, то запираютъ ее въ одну изъ этихъ темницъ, гдѣ томится она до тѣхъ поръ, пока не освободитъ ее отъ заключенія какой-нибудь знаменитый шаманъ. 2) *Эрлингъ таму ноенъ*, владѣтель особой подземной темницы, гдѣ томятся души шамановъ, тайшей родовыхъ старостъ и прочихъ бурятскихъ властей. Это тюрьма бурятской аристократіи, куда не имѣютъ доступа души простыхъ бурятъ. 3) *Харабиш ноенъ*, жена его *Харабажи хатунъ*. 4) *Ухэрши ноенъ*, жена его *Угаши хатунъ*. 5) *Хари морин эжин-Ажиро-бохо*. Это духъ необыкновеннаго силача, про ко-

того рассказывают буряты, что будто бы онъ, однажды гуляя на свадьбѣ, поставилъ на свои колѣни по бочкѣ вина и до того напоилъ гостей, что всѣ они перессорились между собою и передрались. Всѣмъ этимъ духамъ приносится въ жертву черный баранъ или каряя кобыла, и вмѣстѣ со шкурами этихъ животныхъ вывѣшивается на березѣ шкура зайца.

Кромѣ этихъ чиновниковъ и писарей подъ властію Эрлингъ хана находится безчисленное множество шутхуровъ, которыхъ онъ посылаетъ ловить человѣческія души и исполнять другія различныя порученія. Этихъ духовъ буряты называютъ *Эрлингъ-ханы элиит*, т. е. посланники Эрлингъ хана. Замѣчательный изъ нихъ *Самсогой носнъ*, или *гуйэши* (бѣгающій), котораго буряты называютъ курьеромъ или исправникомъ. Онъ бѣгаетъ съ вѣстями отъ Эрлингъ хана къ девяти юго-западнымъ царямъ. Ему приносятъ жертву, которую называютъ *исправнихой* гуйлга, т. е. взятка исправнику.

Кромѣ того играютъ немаловажную роль въ шаманской демонологіи души умершихъ шамановъ и шаманокъ. Одни изъ нихъ саганъ бо (бѣлые шаманы) находятся подъ вѣдѣніемъ юго-западныхъ тэнгериновъ, покровительствуютъ людямъ, защищаютъ ихъ отъ грозныхъ и злыхъ духовъ, посылаютъ довольство и счастье. Они, по рассказамъ шамановъ, выкалываютъ глаза и перебиваютъ хребетъ злодѣямъ, опускаютъ пальцы въ молоко и увеличиваютъ снімокъ сметаны, бросаютъ арканъ въ стадо своего любимца и содѣйствуютъ размноженію табуна. Напротивъ, другіе *хара-бо* (черные шаманы), находясь подъ покровительствомъ грозныхъ и злыхъ заяновъ, при жизни своей служили злымъ духамъ, а послѣ смерти сами сдѣлались Альбинами и Бохолдоями, всячески стараются вредить людямъ, посылаютъ на нихъ всякаго рода несчастія, болѣзни и смерть. Таковъ, напримѣръ, знаменитый шаманъ Шумуръ, жившій въ прибайкальской Кударѣ, на устьѣ рѣки Селенги. Шумуръ, какъ говорится въ шаманскомъ званіи къ нему, ходить по свѣту, чтобы выть подъ ухо спящему. Онъ не можетъ утолить жажду чернымъ виномъ, въ красной крови, находящейся въ груди, онъ погрузился до ушей, въ красной крови, находящейся въ желудкѣ, онъ погрузился по горло. Въ Кудинскомъ вѣдомствѣ извѣстенъ черный шаманъ Яртагашка Хобалзаевъ. Преисполненный бѣсовской силы, Хабалзаевъ еще при жизни своей могъ совершать удивительныя дѣла: онъ лизалъ языкомъ раскаленное желѣзо, глоталъ цѣлые кирпичи, мало того, къ великому удивленію своихъ соузусниковъ, леталъ по воздуху, какъ птица, плавалъ подъ водою, какъ рыба, онъ похищалъ души людей и заточалъ ихъ въ темницы *Эрлингъ хара ноена*, откуда не могли освобож-

дать ихъ самые опытные шаманы. Но если кому, то въ особенности вивоторговцамъ, трудно приходилось подчасъ отъ забіяки Яртагашки. Пьянствуя Яртагашка, пьетъ вино какъ воду, пьетъ и денегъ не платитъ. Оставить бывало въ кабакъ въ закладъ свою шапку и рукавицы, но, о ужасъ, шаманскія вещи не болѣе, какъ чрезъ сутки, появлялись у прежняго владѣльца. Наконецъ въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія Яртагашка хосоро (издохъ). Но такъ какъ этотъ шаманъ, не смотря на всѣ свои пакости, дѣлалъ не мало добра своимъ соулусликамъ, то за это послѣ смерти своей, превратился въ чернаго, необыкновенной величины ямана, который былъ грозой всѣхъ бурятскихъ козловъ, а подчасъ и воровъ, тогда какъ въ кругу шалившихъ съ нимъ братчатъ отличался поистинѣ ягнячимъ смиреніемъ.

Яманъ этотъ надолго остался въ памяти Кудинскихъ бурятъ и Усть-ординскихъ цѣловальниковъ, даже послѣ того какъ былъ зарѣзанъ по распоряженію тайши Буная Хатагаева; но тутъ еще не конецъ продѣлкамъ Хаба заева. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ въ лѣсахъ по рѣчкѣ Голоустной появился медвѣдь, и на первыхъ же порахъ задавилъ двухъ яловыхъ коровъ, принадлежащихъ Ольхонскому шаману Улухшинову. Всполошилось почти все Ольхонское вѣдомство и бросилось преслѣдовать нечестивца, посягнувшаго на шаманское достояніе, — но онъ ушелъ въ Голоустинскую тундру и скрылся, какъ камень, брошенный въ воду. Кромѣ всѣхъ вышеозначенныхъ духовъ, по воззрѣнію шамановъ, существуетъ еще безчисленное множество орон-угай шутхуровъ, т. е. безмѣстныхъ демоновъ, которые, разбѣгаясь по всему свѣту, ссорять людей, вторгаясь въ ихъ жилища, подкарауливаютъ человѣческія души, ловятъ ихъ и отправляютъ въ преисподнюю къ Эрлингъ хану,

Испытывая постоянный страхъ предъ грозными и злыми зоянами, шаманистъ старается умиловить ихъ и расположить въ свою пользу разными жертвоприношеніями. Эгоизмъ шамановъ и невѣжество толпы расширили этотъ культъ до невѣроятныхъ размѣровъ. У монголо-бурятъ существуетъ безчисленное множество обрядовъ и жертъ для умиловленія этихъ зояновъ. Каждому зояну приносится особая жертва, ему угодная: иному вино, другому молоко, третьему какая нибудь звѣриная шкура, четвертому корова и такъ далѣе. Иному, болѣе могущественному зояну приносится разомъ по нѣсколько животныхъ, по указанію шамана. Изъ множества обрядовъ и жертвъ, приносимыхъ въ умиловленіи злыхъ духовъ, особенно замѣчательны по своей обрядности и внѣшней обстановкѣ *Кырыкъ* и *Сасама*.

Кырыкъ, жертвоприношеніе въ честь Эрлинга и другихъ грозныхъ зояновъ, совершается въ большинствѣ случаевъ съ цѣлію освобожденія больного человѣка отъ постигшихъ его недуговъ и отъ угрожающей смерти. Эта связь Эрлинга съ мыслию о болѣзняхъ и смерти находится въ зависимости отъ вѣрованія бурятъ въ двойственность души человѣческой. Буряты думаютъ, что у человѣка двѣ души: одна разумная—*хунэ-хун*, которой нѣтъ у животныхъ, а другая неразумная—*амисхулъ*, которую имѣютъ животныя и даже растенія. Къ такому представленію о двойственности души человѣка привела бурятъ вѣра въ сновидѣнія. Человѣкъ спитъ и въ тоже время видитъ, что онъ ходитъ, ѣздитъ, охотится на звѣря, ѣстъ, пьетъ тарасунъ и проч. Вѣра въ реальность всѣхъ вещей, видѣнныхъ во снѣ, не развитый умъ номада пришелъ къ убѣжденію, что одна душа, Хунэ-хунъ, по временамъ оставляетъ тѣло человѣка, во время сна выходитъ изъ него въ отверстія носа или рта и въ видѣ какого нибудь маленькаго насѣкомаго блуждаетъ по свѣту. Поэтому не рѣдко случается, что бродячая душа не можетъ возвратиться въ тѣло, когда спящій пробуждается отъ сна. Это происходитъ отъ двухъ причинъ: или во время ночныхъ прогулокъ душа заблудилась и не можетъ отыскать дороги, или ее гдѣ-нибудь задержали. Последнее обстоятельство приписываютъ злобѣ Эрлинга, который, имѣя подъ своею властію легіоны шутхуровъ, разсылаетъ ихъ по ночамъ ловить бродячія души. Вѣрованіе это до того распространено между бурятами, что почти въ каждомъ улусѣ можно услышать рассказы о поимкѣ душъ человѣческихъ. Случится суевѣрному буряту выйти зачѣмъ нибудь ночью изъ юрты, онъ начинаетъ прислушиваться; въ ночной тишинѣ ему слышится какой то шумъ, какая то борьба; прислушиваясь внимательно, его разстроенное воображеніе начинаетъ уже ясно различать стоны и плачъ. Это послы Эрлинга поймали чью нибудь душу и влекутъ ее въ мрачное царство Эрлинга хара ноена. Поутру по всему улусу разносится слухъ, что кто-нибудь сдѣлался боленъ. Это значитъ, что душу больного поймали послы Эрлинга. Не имѣя понятія о физическихъ причинахъ болѣзней, кромѣ наружнаго поврежденія членовъ, буряты всѣ внутреннія болѣзни объясняютъ похищеніемъ души человѣческой шутхурами и, не зная ни какихъ медикаментовъ, лечатъ всѣ болѣзни жертвоприношеніями. Приглашенный въ этомъ случаѣ къ постели больного, шаманъ прежде всего долженъ опредѣлить причину болѣзни; для этого онъ жгетъ на огнѣ *дала* (баранью лопатку) и по трещинамъ ея угадываетъ отъ чего приключилась болѣзнь, иначе говоря угадываетъ, гдѣ въ данное время находится душа больного: заблудилась ли она въ лѣсу, находится ли гдѣ либо въ живомъ мѣстѣ, или ее похитили шутхуры. Въ первомъ случаѣ стоитъ только указать

ей дорогу, а въ послѣднемъ остается одно средство—выкупить душу жертвоприношеніемъ, т. е. необходимо сдѣлать *Кырык*. По количеству жертвъ кырыки бываютъ большіе и малые. При маломъ кырыкѣ приносится въ жертву одно какое нибудь животное, по указанію шамана, а при большомъ—нѣсколько животныхъ сразу. Судя по времени и обстоятельствамъ, кырыки отправляются на улицѣ или въ юртѣ. Въ лѣтнее время всѣ кырыки отправляются на дворѣ. Для этого вблизи юрты разводять огонь и ставятъ двѣ березы *залама*. Отъ одной березы до другой протягивается волосенной шнуръ *дэрбэлэ*. На шнуръ навѣшивается 19 ленточекъ бѣлаго и синяго цвѣта. Въ саженьяхъ двухъ отъ заламы постилагся войлокъ, на которомъ устанавливаются жбаны съ тарасуномъ и молокомъ. Около жбановъ втыкаются еще двѣ не большихъ березки *тургэ*. Направо отъ тургэ становится шаманъ, а налѣво привязываются обрѣченные на жертву животныя. Больной, за котораго приносится жертва, сидитъ или лежитъ на войлокѣ около огня. Когда все готово, шаманъ беретъ въ руку *жодо* (березовую вѣтку съ расщепомъ на концѣ, въ который вставляетъ зажженный кусочекъ пихтовой коры), окуриваетъ имъ всѣ приготовленныя къ кырыку вещи и животныя. Затѣмъ, взявши въ правую руку чашку съ простоквашей, произноситъ воззванія къ зоянамъ, призываетъ къ себѣ на помощь души умершихъ знаменитыхъ шамановъ и шаманокъ, громко зывая къ нимъ:

Хошуни бо нуд,
Хоймори одого — т,
Тухул бутугэшиг,

Хайн зергэй зохенъ болгошит,
Зэ! на, на!...

Т. е. улусные шаманы, западныя шаманки, просьбу исполняющіе, благополучіе посылающіе, все къ лучшему устрояющіе, это вамъ, берите!!.. Послѣ этого воззванія мараетъ ротъ животныя простоквашей и приводитъ ихъ къ больному. Больной дуетъ и плюетъ на животныя, а шаманъ произноситъ второе воззваніе:

Дурбу хара туру тулая оро, Утхэ адли хурдык
Душин саган шуду хабаран оро, Ухули оломор,
Иды адли тургэн, Ула-ин хотогор...

На черныхъ четырехъ копытахъ иди, сорока бѣлыми зубами скрежеща, иди, какъ перо, легко, какъ стрѣла, быстро, по броду рѣки, по проходу горы.

Послѣ этого рѣзка колетъ животныя, разрѣзая имъ грудь, а шаманъ, погружая во внутренность животныя жодо, произноситъ:

Амини туло олзо, Буру дудха бо зэмэ,
Бѣе-ин туло былыкъ, Буру бариху баряши зэмэ...
Худа наша хутхари,

Будь за жизнь уплата, за тѣло подарокъ. Если неправильно призываю, будетъ виноватъ шаманъ, если неправильно приготовлено, виновенъ приноситель... При сниманіи шкуры съ животныхъ, оставляютъ при ней голову и ноги. Мясо варятъ въ котлахъ, а шкуры вывѣшиваютъ на березы. Пока варится мясо, присутствующіе на кырыкѣ пьютъ вино, а шаманъ, взявши въ руки *хорби* (двѣ шаманскія трости), начинаетъ пѣть заклинанія злымъ духамъ, сначала тихо, потомъ все громче и громче, сопровождая пѣніе ударами хорби. По мѣрѣ того, какъ пѣніе дѣлается быстрее и энергичнѣе, шаманъ приходитъ въ язвѣщеніе, дѣлаетъ прыжки, кривляется и кричитъ голосомъ разныхъ животныхъ, пѣна клубится у его рта, налитые кровью глаза принимаютъ страшное выраженіе. Эта артистическая часть шаманства прерывается дикимъ крикомъ и шаманъ въ изнеможеніи падаетъ на землю. Въ это время душа его уходитъ въ міръ духовъ и узнаетъ тамъ, что нужно. Спустя нѣсколько минутъ, шаманъ приходитъ въ себя и объясняетъ свое сообщеніе съ духами.

Когда сварится мясо, его отдѣляютъ отъ костей. Большіе куски кладутъ въ нарочито приготовленныя ведра *даланга*, а мелкіе въ корытцы *дангура*. Кости и вытянутыя изъ мяса сухія жилы, словомъ все то, что не годится въ пищу людямъ, приносятся въ жертву духамъ. Для этого по задіи заламы устраивается жертвенникъ *мухор ширэ*. На жертвенникъ кладутъ дрова, а на нихъ отдѣленные отъ мяса кости и жилы и зажигаютъ дрова, а шаманъ, ставши на правую сторону отъ мухоръ ширэ, произноситъ окончательное воззваніе духамъ, беретъ въ руки деревянную поваренку, *шаллага*, кладетъ въ нее глухую кишку и бросаетъ на огонь. Это жертва духамъ *«обращающимся около зирева горящаго огня, около пара кипящей воды»*. Эти бѣдные духи не смѣютъ приступитъ къ жертвеннику для вкушенія поднимающихся испареній. Затѣмъ, почерпнувъ кипящаго бульона, плещетъ на огонь, восклицая: *«Это шепчущимъ подѣ жертвенникомъ и дрожащимъ подѣ тѣнью»*. Это приношеніе тѣмъ низшимъ духамъ, которые укрываются подѣ жертвенникомъ и не услаждаются запахомъ горящихъ костей. Эти жалкіе духи, по рассказамъ шамановъ, суть ни кто иные, какъ души тѣхъ старыхъ дѣвицъ, которыя, по своимъ душевнымъ и тѣлеснымъ недостаткамъ не вышли замужъ. Эти души принимаютъ на себя различныя формы, являются людямъ подѣ видомъ разнаго рода животныхъ. Обитая въ юртахъ или гдѣ нибудь около, онѣ томятся голодомъ и по ночамъ ищутъ для себя пищи. Во избѣжаніе ночныхъ посѣщеній этихъ дѣвицъ, при совершеніи кырыка, шаманъ удѣляетъ имъ частицы отъ жертвъ. Въ заключеніе обряда шаману подають

ведро съ мясомъ (*Даланга*). Взявши ведро, шаманъ подходитъ къ *зухули*, гдѣ вывѣшены шкуры животныхъ, становится на колѣна, трясетъ головою, бормочетъ какія то непонятныя слова, призываетъ своего духа покровителя, вертитъ ведромъ въ воздухѣ около своей головы и начинаетъ говорить голосомъ вошедшаго въ него духа, благодарить хозяина за почести и общается ему разныя блага. Наконецъ опять раскачивая ведро въ воздухѣ, восклицаетъ:

Хурэй, хурэй хурэйлэй, Югун хат орелоган хурэйлэй,
Барулахши буха ноен хурэйлэй, Ута нагхун хурэйлэй,
Будан хатун уманга хурэйлэй, Тумур буху ами хурэйлэй...
Призываю, призываю, призываю! Призываю счастье отъ спустившагося на землю буха ноена (господина пороza) отъ чрева матери будан хатунъ (туманной госпожи), призываю благополучіе отъ девяти юго-западныхъ царей, испрашиваю долгую жизнь, продолжительное счастье и жизнь крѣпкую какъ желѣзо.

Послѣ окончанія всѣхъ обрядностей жертвеннымъ мясомъ кормятъ больного, угощаютъ шамана и весь собравшійся на кырыкъ народъ. При этомъ если больной выздоравливаетъ, то исцѣленіе его приписывается опытности шамана, а если нѣтъ надежды на выздоровленіе, то шаманъ объясняетъ, что къ отысканію души умирающаго нѣтъ ни какихъ средствъ, что онъ для розысканія ея проходилъ 7 ледяныхъ земель, 7 небесъ, заглядывалъ въ жилище демоновъ, но всѣ поиски по отысканію души оказались напрасными.

Сасама, собственно обрядъ очистительный, отправляется въ юртѣ и въ полѣ. Въ первомъ случаѣ обрядъ этотъ исполняютъ при переходѣ въ новый домъ или юрту, а также при перекочевкѣ изъ зимнихъ улусовъ въ лѣтніе и изъ лѣтнихъ въ зимніе — и отправляютъ съ цѣлію выгнать изъ дома анахаевъ (злыхъ духовъ), которые вредятъ человѣку, особенно малолѣтнимъ дѣтямъ. Приготовляясь къ отправленію обряда, хозяинъ юрты приглашаетъ къ себѣ шамана по его указанію, ставитъ около огня потребное количество водки и тарасуна, затѣмъ садится въ шапкѣ около разставленной посуды, окуриваетъ ее верескомъ или богородскою травою, затѣмъ, почерпнувъ въ чашку тарасуна, подаетъ шаману. Шаманъ становится лицомъ къ югу и, поднявши вверхъ чашку, произноситъ воззваніе, которымъ обыкновенно начинается всякое шаманство:

Хурэй, хурэй, хурэйлэ.
Дэлгэжи байху тэнгри ноен-до,
Дэлгэжи байху дайда дэлхэй-дэ... и проч.

Взываю ко всѣмъ, приношу всѣмъ! О, пространное небо, протяженная земля, девяносто юго-западныхъ царей, девять бѣлыхъ стари-

ковъ, размножившіе бурять, подобно уродившемуся просу, отецъ нашъ *Буха Ноемъ*, (господинъ порозъ), мать наша *Будан Хатунъ* (туманная госпожа) и проч. Окончивъ воззваніе, выплескивается изъ чашки вверхъ. Затѣмъ, хозяинъ, зачерпнувъ вторую чашку, подаетъ шаману. Шаманъ называетъ по имени того духа, которому приносится жертва, описываетъ его происхожденіе, характеръ, просить принять приносимую жертву, оказать покровительство хозяину, выгнать изъ юрты злыхъ духовъ. Получивши отъ хозяина третью чашку, шаманъ произноситъ воззваніе мѣстнымъ эжинамъ:

Сэк! урида болхан хан хунэй, Сэк! бута бури бурхан бэлэй, ..
 Сэк! хойто болбо хан дайда ин, Сэк! ургэй далай халхин баряшин.....
 Сэк! ходо бури хошун бэлэй,

Сначала было приношеніе царю людей, теперь призываются: цари мѣста, цари каждой горы, духи каждаго бугра, призываются держащіе эхо высокой горы, призываются держащіе вѣтеръ широкаго моря. Окончивъ это воззваніе, шаманъ беретъ отъ хозяина четвертую чашку, сплеснувши нѣсколько капель въ огонь, обращается лицомъ къ *Онгонамъ* (домашнимъ идоламъ) и призываетъ эжиновъ домашнего очага *Сагадай Ехэ Обогона* и жену его *Сахали Хатун*, просить ихъ, чтобы они охраняли домъ, не допускали въ него злыхъ духовъ анахаевъ ибоходоевъ, сдѣлали хозяина богатымъ скотомъ, многолюднымъ его семейство, исполняли его желанія, будили отъ сна, надпоминали ему забытое. Когда шаманъ произноситъ это воззваніе, постороннія лица, приглашенныя хозяиномъ въ юрту, поджариваютъ на огнѣ ржаную муку и приготавливаютъ пучекъ смолистой лучины. Шаманъ беретъ эту лучину, обходитъ съ нею по всѣмъ угламъ юрты и, подсыпая на нее поджаренную муку съ порохомъ, произноситъ разныя молитвы и заклинанія злымъ духамъ, повелѣвая имъ удалиться изъ юрты. Окончивъ изгнаніе злыхъ духовъ, шаманъ садится на почетное мѣсто, хозяинъ подаетъ ему полную чашку вина, сплеснувши нѣсколько капель на огонь, шаманъ, опустошаетъ чашку до дна и передаетъ хозяину. Наливается слѣдующая чашка и подается опять шаману. Шаманъ, сдѣлавъ глотокъ, передаетъ ее кому либо изъ приглашенныхъ гостей. Чашка идетъ круговую, пока не опустѣетъ. Затѣмъ наливается слѣдующая и съ той же церемоніей обходитъ кругъ и такъ далѣе, пока не опустѣетъ, наполненная виномъ и тарасуномъ посуда.

Сасалм второго рода отпращивается подъ открытымъ небомъ около юрты или на берегу рѣки, съ тѣмъ, чтобы испросить благополучіе и отогнать какое нибудь несчастіе, предсказанное шаманомъ, которое можетъ случиться по навѣтамъ злыхъ духовъ. Для этого на южной сторонѣ отъ юрты ставится береза *тургэ*,

на которую вывѣшивается шкура хорька или зайца. Около турги садится на войлокъ приноситель, около него разставляется посуда съ виномъ, тарасуномъ и простоквашей. Для исполненія обряда приглашается шаманъ и два *убугуна*, старика изъ дальнихъ родственниковъ. Шаманъ беретъ въ руку зажженное *жодо* (пихтовую кору), окуриваетъ имъ принесенную посуду, затѣмъ становится лицомъ къ югу, подымаетъ жодо вверхъ, размахивая имъ въ воздухъ, произноситъ воззваніе сначала къ мѣстнымъ эжинамъ, потомъ призываетъ на помощь души умершихъ шамановъ и шаманокъ, проситъ ихъ о томъ, чтобы племя бурятъ размножалось, чтобы вѣчно среди улуса ходили 90 порозовъ, чтобы мычали они тонкимъ и пріятнымъ голосомъ, чтобы вѣчно бѣгали 80 жеребцовъ, чтобы въ каждомъ семействѣ было по 9 мальчиковъ. Воззваніе это съ разными вариантами повторяется три раза и каждый разъ оканчивается восклицаніемъ *сэк*. Шаману вторятъ убугуны, выплескивая изъ чашекъ вино и простоквашу. Въ четвертый разъ чашки наполняются виномъ, шаманъ погружаетъ въ нихъ жодо, кропитъ въ воздухъ и призывая мѣстныхъ эжиновъ, кричитъ: «приносится царю челоуѣковъ, приносится царю мѣстности, приносится пришедшимъ раньше, приносится опоздавшимъ!» Затѣмъ вторично обращается къ тѣни умершихъ шамановъ, проситъ ихъ успокоить грозныхъ и злыхъ зояновъ, чтобы они не причиняли вреда людямъ. Послѣ окончанія обряда, хозяинъ угощаетъ виномъ шамана и прочихъ гостей, а простоквашу уносить къ себѣ въ юрту.

Кромѣ кырыковъ и сасалги, какъ я сказалъ уже, существуетъ у бурятъ безчисленное множество мелкихъ обрядовъ и жертвъ, приносимыхъ съ цѣлю умилоствленія грозныхъ и злыхъ зояновъ. Всякая болѣзнь, всякое несчастіе приписывается у нихъ дѣйствию того или иного духа и каждому изъ этихъ духовъ, при случаѣ, приносится извѣстная жертва: одному вино, другому молоко, а третьему какое либо животное и т. д. Но всѣ эти мелкіе обряды и жертвоприношенія, будучи тождественны въ принципѣ, въ частности представляютъ мало интереснаго. По этому не желая утомлять ваше вниманіе, этимъ я и закончу настоящее сообщеніе, обѣщая на слѣдующій разъ предложить вашему благосклонному вниманію изслѣдованія о самыхъ совершителяхъ описанныхъ мною обрядовъ—бѣлыхъ и черныхъ шаманахъ. На эту тему въ минувшее лѣто мною собрано достаточное количество фактовъ, которые и постараюсь изложить въ слѣдующемъ сообщеніи.

4 октября 1899 г.

Иркутскъ. Промышленн. Копыловъ.

